

НАШ современник... Он давно завоевал сцену. Две трети пьес, составляющих репертуар театров страны, — пьесы советских драматургов. Но все ли герои, вышедшие на подмостки в одежде современных советских людей в спектаклях о наших днях, действительно герои нашего времени? В каком случае актер одержи-

вает победу, воплощая современный советский характер? Мы обратились с этим вопросом к заслуженному артисту РСФСР Г. НЕКРАСОВУ, создавшему образ коммуниста Мартьянова в спектакле «Совесть» в Театре имени Моссовета.

Для меня работа над спектаклем была особенно интересной. Здесь я встретился с ролью нашего современника, коммуниста, человека яркого и целеустремленного. Проблема создания на сцене образа положительного героя давно занимает умы деятелей театра. Вокруг то затихают, то с новой силой разгораются споры. Мне думается, что роль Мартьянова в «Совести» принадлежит к числу тех, которые в известной мере могут решить эту проблему.

РАБОТА над образом Мартьянова, как никакая другая, потребовала особой собранности, сосредоточенности, полной мобилизации творческих усилий. Эта повышенная сосредоточенность возникла от понимания важности создания такого масштабного характера.

Меня по-настоящему грела и волновала та особенность бывшего фронтовика Василия Мартьянова,

всегда и во всем честным, справедливым.

МАРТЬЯНОВ — инженер исследовательского института, инженер талантливый. Его мозг, душа, талант устремлены на поиски нового, двигающего вперед отечественную технику, совершенствующего ее. Работает он увлеченно. Но вот жизнь неожиданно потребовала от него организаторских способностей — Мартьянова выбрали секретарем партийной организации института. Опыта партийной работы у него нет. Мартьянов отказывается, сопротивляется, причем делает это абсолютно искренне, ибо не верит, что способен к такого рода деятельности. Но партийная дисциплина есть дисциплина, и Мартьянов столь же увлеченно погружается в новое для него дело, с упорством постигая сложность партийной работы. Оказалось, в этом незаурядном человеке пребы-

Труд, кропотливый, подчас исследовательский.

ВДУМЧИВАЯ, тонкого вкуса, отличающаяся большим знанием жизни работа режиссеров Ю. Завадского и А. Шапса помогала овладеть мне и другим актерам всеми сложными особенностями образов. Точный, надежный режиссерский компас вел спектакль по верному пути в раскрытии и трактовке образов.

В работе над ролью моменты радости часто сменялись огорчениями. Пожалуй, во время репетиций больше было последнего. Ибо долгое время и задуманное самим, и предложенное режиссерами не удавалось, ускользало. Иной раз казалось все верным, правильным, а образ не оживал. Не хватало большой мартьяновской одухотворенности, одержимости. Что-то рационально-рассудочное не давало мне самому и окружающим поверить в моего героя. Какая-то приглушенность и робость в поведении на репетициях мешали мне с ним сродниться. Лезло во все щели штампованное представление о ролях партийных руководителей, о том, как их играли в недавнем прошлом.

Этой внешней многозначительности, тона, неподвижности, когда нельзя повысить голос или сделать резкое движение, больше всего не хотелось в Мартьянове. Надо сказать, что потом на обсуждениях спектакля иной зритель, причудливый и штампованный, протестовал: «Секретари так громко не говорят!» А во мне все росло убеждение, что секретарь, как и любой человек, убежденный в правоте слов и дел своих, «шептать» не должен и он обязан дышать полными легкими и правду в народ нести звонко, чтобы его слышно было повсюду. И Мартьянова я хотел сделать открытым, ясным, громким, чтобы голос совести советского человека, коммуниста находил отзвук в сердцах сидящих в зале. Не исключительный, не особенный человек, а такой, каких много, а должно быть еще больше в нашей стране.

ПОМНЮ, в прошлом году мы играли «Совесть» в ленинградском Выборгском доме культуры. Кончился спектакль. Еще не стихли аплодисменты, когда режиссер А. Шапс поднял руку и сообщил: «Желающие могут принять участие в обсуждении». Никто зала не покинул.

Заломнилось мне выступление женщины-врача. Она высоко оценила спектакль. Особенно радостно мне было услышать в адрес Мартьянова: «Я — мать, у меня сын студент, и, конечно, я его очень люблю! Я мечтаю, всем сердцем хочу, чтобы мой сын стал таким же, как ваш Мартьянов!»

Г. НЕКРАСОВ в роли Мартьянова.

РАБОТА над спектаклем «Совесть» в Театре имени Моссовета проходила в обстановке острой полемики. Даже в самом коллективе были сомневающиеся, а то и решительно не принимавшие инсценировку. Но вот прошло больше года со дня премьеры, а спектакль живет яркой и полнокровной жизнью. Зритель принял и полюбил эту действительно современную, политически острую постановку театра.

Многие противники давно уже признали свою ошибку и, радуясь успеху постановочного коллектива, не без оснований говорили, что работники театров подчас плохо знают своего зрителя, не умеют угадывать его желаний, потребностей.

Образ коммуниста

Г. НЕКРАСОВ

что он не умеет относиться к жизни равнодушно, что он очень деятельный и добрый. Мартьянов не только доверчив, он еще и любит верить людям, потому что любит людей, и любовь эта для Мартьянова — органическая необходимость, потребность большого сердца.

Меня радовало и то, что Мартьянов не законченный идеальный герой, не верш совершенства, совершающий одни только «правильные» поступки. Для меня Мартьянов убедителен, жизненно достоверен благодаря тому, что может и сорваться, и совершить те или иные ошибки. Но главное, что, ошибаясь, он искренне переживает, мучается, обдумывает свой неверный шаг и, «перебрав», мужественно признает свою ошибку. Причем делает это без какой-либо расчетливо-эгоистической цели, ведомый лишь искренним желанием быть

вали в состоянии «спячки» прекрасные способности партийного руководителя, смелого, умного, внимательного к людям, непримиримо к недостаткам.

Думая о Мартьянове, понимаешь, сколько в народе нашего подобных ему, чьи организаторские способности пребывают еще почему-либо в состоянии покоя, не используются по назначению.

Репетируя, я много думал, как прекрасные качества Мартьянова — настоящего человека, истинного коммуниста, непримиримого, честного бойца, сердечного, доверчивого и скромного — сделать в моем исполнении убедительными, доходчивыми. Как превратить мои умозрительные представления о нем в живой человеческий образ, которому зритель не только поверил бы, но и полюбил бы его и, что самое главное, сделал для себя Мартьянова образцом, примером, за которым захотелось бы следовать, на которого хотелось бы походить? Где и как добыть мне, актеру, такое обилие драгоценных качеств? Как претворить все отобранное для Мартьянова в сценическое, действенное, объемное, живое?

Обаяние Мартьянова, несомненно, в его огромной любви к людям, в его терпеливой вере в людей, в его большом, благородном, добром сердце. Мне нужно стать в спектакле таким же. Для этого, решил я, нужно интересы партийной организации института сделать предельно своими интересами, чтобы для меня они были важнее личных. Это первая мартьяновская черта, которую нужно сделать абсолютно своей. А потом и другие...